

Александра Анненская

Франсуа Рабле. Его жизнь и литературная деятельность



Жизнь замечательных людей

Александра Анненская

**Франсуа Рабле. Его жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

Анненская А. Н.

Франсуа Рабле. Его жизнь и литературная деятельность
/ А. Н. Анненская — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	6
Глава I	10
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александра Анненская **Франсуа Рабле. Его жизнь и** **литературная деятельность**

Биографический очерк А. Анненской

С портретом Рабле, гравированным в Лейпциге Геданом



Введение

Конец XIII и начало XIV века можно считать исходным пунктом новой истории. Два главных устоя средневековой жизни, феодализм и католичество, расшатались в своих основах, теряли свое первенствующее значение, принуждены были отступать и стушевываться под влиянием новых условий, новых факторов прогресса. Никакая новая доктрина не выдвигалась смело вперед на смену старым. Язвы, разъедавшие средневековый строй, незаметно, но неуклонно подтачивавшие его существование, гнездились внутри него. Новые учреждения возникали бок о бок со старыми и развивались независимо от них, по своим собственным законам. Рядом с непогрешимой, неограниченной властью папы возникала другая – светская власть, власть королей; рядом с крепкими феодальными замками вырастали города, возникали огромные торговые и промышленные предприятия, накапливались богатства, нарождались поколения свободных, предприимчивых, умственно развитых граждан; рядом с невежественными, затупелыми монахами, не признававшими никакой науки, кроме богословия, доведенного ими до мелочного, чисто формального разбора текстов Священного Писания, являлись пытливые умы, стремившиеся проникнуть в тайны природы и человеческой души. Рядом с наивно-детской верою не только в догматы церкви, но и в самые нелепые предрассудки, *credo quia absurdum est*, пробивались робкие зародыши критической мысли, пытавшейся всё без исключения подвергнуть сомнению и анализу.

Открытия и изобретения, ознаменовавшие XV век, придали силу и жизненность вновь возникавшим явлениям. Смелые мореплаватели не только открывали новые земли, они вносили в сокровищницу европейской мысли новые понятия, новые взгляды на природу и на человеческие отношения. Книгопечатание сразу расширило круг людей читающих, бросило в массу знания и идеи, составлявшие до того собственность немногих избранных. С одной стороны, все более и более развивалась промышленная и торговая деятельность городов, с другой – крепла и мужала критическая мысль, дух исследования, отрицания установившегося догмата. В помощь молодой, едва возникшей науке «варваров» явились далеко опередившая ее наука арабов и долго лежавшие под спудом произведения классических авторов. Латинский язык в течение всех средних веков был органом и церковной, и ученой литературы, но дух и смысл древних мыслителей исчез среди схоластической формалистики; многие драгоценные рукописи были уничтожены изуверами-монахами, видевшими в них отражение языческих понятий; тексты искажались невежественными, нерадивыми переписчиками. По мере того как научная мысль вырывалась из тесных монастырских стен и охватывала все больше и больше умов, возрастало уважение к классической древности. Светские люди не смотрели на древних философов, художников и поэтов как на обреченных на гибель язычников, а преклонялись перед ними как перед своими учителями и руководителями на пути знания и творчества. Они изучали греческий язык, чтобы в подлиннике читать греческих писателей, интересовались древними зданиями, статуями, камнями. На почве изучения древних и подражания им выросла новая наука, сбросившая с себя гнет монастыря; наука, ставившая себе целью путем свободного, ничем не стесняемого исследования изучить все, что могло быть доступно человеческому разуму, – наука гуманитарная (от слова *homo* – человек) как противовес средневековой теологии.

Италия, опередившая прочую Европу на пути как материального, так и умственного прогресса, явилась колыбелью этого нового направления, и из нее свет гуманизма разлился широкой волной по Франции, Германии, Англии. Гуманисты не пытались бороться против существующего строя ни политического, ни религиозного. Их идеалом был идеал личный, стоявший вне условий существовавшего порядка. Они смутно верили, что раз этот идеал будет достигнут большинством или хотя бы избранным меньшинством, раз личность явится

вполне свободно мыслящую и умственно развитую, политическая неурядица, окружавшая их, сама собой исчезнет.

В делах религии они отличались полной индифферентностью и, в случае надобности, охотно подчинялись разным церковным обрядам. Эта видимая покорность обманывала близоруких служителей церкви, не видевших в гуманистах своих врагов, а между тем их индифферентизм, охватывавший все более и более широкий круг лиц, приносил церкви больше вреда, чем наиболее ожесточенные нападения гонимых ею еретиков.

Рядом с этим направлением росло другое, имевшее с ним мало общего, но столь же пагубное для средневекового католичества. Направление, которое можно назвать светским, буржуазным. Работавшая, богатевшая, вечно занятая мирскими заботами буржуазия ставила себе цели чисто земные, не имевшие никакого отношения к духовному миру. Ее идеалы были прямо противоположны идеалам монашества. «Труд составляет цель человеческой жизни, – говорила она. – Это – тот закон, который Бог дал людям. Жизнь налагает на нас известные общественные обязанности; исполнять их лучше, чем молиться». Светский дух проникал во все сферы жизни, во все ее проявления: в искусство, в политику, в житейскую обстановку, в семейные отношения. Он, так же как и гуманизм, не поднимал никого на борьбу, но разъедающее действие его медленно и неуклонно подтачивало старое здание и способствовало движению прогресса.

Вслед за новым направлением жизни произошло изменение литературных форм. Народная поэзия, создававшая в средние века героические поэмы и легенды о благочестивых подвижниках, преобразилась в басню, в «животный» эпос, в фавлю, в роман, действующими лицами которого являются не святые и не герои, а простые смертные, даже вилланы (феодално зависимые крестьяне). Сатира, скромно ютившаяся в народных сказках и песнях, смело выступила вперед и мало-помалу наложила руку свою на все, что за несколько веков перед тем являлось предметом благоговейного уважения. Орудиями ей служили и перо, и кисть, и резец. Вместо любовных песен менестрели распевали на площадях сатирические куплеты, в церковные мистерии вставлялись тирады против испорченности нравов, в соборах появлялись барельефы со сценами из сатирического романа Рейнеке-Фукса, аббаты и монахи с церковной кафедры осмеивали пороки не только своих прихожан, но и высших сановников церкви, прелатов и кардиналов. Сатира не щадила никого и ничего: геройские подвиги рыцарей, показная добродетель ханжей, самовластие королей и гордых баронов, жадность и скупость разжиревших торгашей, невежество и плутоватость крестьян – все возбуждало ее смех, ее подчас едкий сарказм.

Но главным предметом ее обличений являются духовные лица всех званий, начиная с простого монаха и сельского священника до святейшего папы.

В фавлю католические монахи обыкновенно изображаются лицемерами, развратниками, обжорами, донжуанами низшего разбора; они вносят разлад в семью и постоянно подвергаются палочным ударам отцов и мужей обольщенных ими женщин.

Среди усиливавшегося разложения средневековых учреждений, среди мертвящего догматизма школы и церкви сатира являлась наиболее удобным выражением свободной мысли, аренной, на которой критический ум находит простор для своей деятельности. И в то время как трудолюбивые поиски истины учеными мыслителями подозревались в ереси, преследовались, могли привести к лишению свободы и даже жизни, легкомысленное подсмеивание над всем и всеми встречало всюду снисходительную улыбку.

Сатирическое направление литературы возникло впервые в Италии. Заимствовав из Франции форму фавлю (итальянская *novella*), итальянцы еще в XIII веке придали этим легким рассказам, преимущественно из современной жизни, обличительный характер. Итальянские новеллы отвергали всякий авторитет в старом строе, бичевали представителей и духовной, и светской властей, иронизировали над геройскими похождениями отживавшего

свой век рыцарства и над мелочною скаредностью нарождавшейся буржуазии. Вместе с распространением просветительных идей в Европе шло и развитие сатирического направления в литературе. Передовые гуманисты облекали в сатирическую форму свои мысли, чтобы, с одной стороны, сделать их более популярными, более доступными большому кругу читателей, с другой, – чтобы высказать такие идеи, которые без покрова смеха и аллегории привели бы авторов на костер. В Германии появились «Похвала глупости» Эразма Роттердамского и «Письма темных людей», в Англии – «Утопия» Томаса Мора.

Во Франции достойным представителем гуманистической сатиры является в XVI веке Рабле. Рабле был искусный врач, полигност, изучавший и древние языки, и право, и естественные науки, успевший внести нечто новое во все отрасли знаний, которым отдавался. Но слава его основывается главным образом на большом сатирическом романе, написанном им. Роман этот не представляет какого-нибудь цельного произведения, написанного по строго задуманному плану. Он, очевидно, создавался урывками, без всякой руководящей идеи. «Он отлично знает, что говорит, но не всегда знает, что скажет дальше», – заметил Бальзак о Монтене, и отзыв этот как нельзя более подходит к Рабле. В его романе беспрестанно встречаются длинноты, отступления, вводные эпизоды, он иногда забывает, о чем хотел рассказать и подолгу останавливается на описаниях и сценах, бесполезно замедляющих ход действия и не имеющих отношения к его главным героям. Он писал, как писалось, часто вставлял в свой рассказ события из современной жизни, изображал под весьма прозрачными масками всем известные личности, иногда нарочно прибегал к шаржу и уродствам, колоссальным преувеличениям, чтобы иметь возможность высказать какую-нибудь смелую мысль.

У Рабле нельзя искать какого-нибудь определенного идеала будущего, лучшего общества. Он жил в переходную эпоху, когда, с одной стороны, рушились старые устои, с другой – появлялись еще неопределенные очертания новых. Первая половина его жизни протекла среди «весеннего» периода Возрождения. Новые освободительные идеи проникали всюду, но оставались в виде теории, мечты, не сталкиваясь еще с жизненной практикой. В их победоносную силу слепо верили, но еще никто не представлял себе практически всех последствий этой победы. Ими увлекались и короли, и высокопоставленные прелаты, нисколько не думая проводить их в жизнь.

Рабле ясно видел недостатки настоящего, но, подобно прочим гуманистам, смутно сознавал, что должно быть сделано для водворения иного, лучшего порядка и в какой форме выльется этот порядок. Он зло осмеивал не только пороки католического духовенства и суеверия масс, но иногда даже основные положения религии; он с негодованием отворачивался от узкой нетерпимости и догматизма возникающего в его время протестантизма, а взамен исповедовал какой-то неопределенный деизм, какое-то отвлеченное христианство. Он проклинал деспотизм, находил, что, кроме зла, тот ничего не приносит, и в то же время изображал добродушных, разумных государей, любимых народом, распространяющих вокруг себя благие деяния. Одно, что представляется Рабле безусловно необходимым, – это свободное, всестороннее развитие личности. Пусть каждой отдельной личности предоставлено будет право жить полною жизнью как тела, так и духа; пусть ничто не сковывает пылкости ума, полета мысли – остальное все приложится само собою, – это общее мнение гуманистов он разделял вполне. И там, где Рабле говорит о воспитании личности, он является передовым мыслителем, педагогом, значительно обогнавшим свой век. Основные положения его воспитательной системы повторены и разработаны гораздо позднее Локком в его «Thoughts concerning education» и в «Эмиле» Руссо. В противовес схоластической методе, заботившейся исключительно о формальном умственном развитии ученика посредством книжного обучения, Рабле, подобно своим знаменитым последователям, отводит широкое место физическому развитию, прогулкам, играм на открытом воздухе и гимнастическим упражнениям. Он не отрицает, подобно Руссо, пользы науки, не говорит, как Локк, что научное образование

необходимо исключительно ради развития характера; но ставит нравственное усовершенствование выше умственного, находит, что, увеличивая сумму знаний и самостоятельность мыслительной способности, следует всегда иметь в виду влияние их на характер человека. Рабле был одним из первых проповедников наглядности в преподавании, необходимости облегчать ученику усвоение знаний, возбуждать в нем интерес к явлениям жизни и природы. Его Гаргантюа за два века до Эмиля посещает мастерские ремесленников и представления фокусников, чтобы ознакомиться со способами различных производств, и занимается физическим трудом. Современники зачитывались романом Рабле. Всякий находил там то, что ему было по вкусу и пониманию: одних пленяли сатирические выходки и смелые мысли автора; других – фантастичность рассказа, причудливая смесь человеческих и исполинских форм, реальных и утопических отношений; третьих увлекала веселость автора, его задорный, нередко циничный смех. В XVI веке вышло до 60 изданий его романа. В XVII веке, в период развития монархизма в сфере государственной, авторитета в сфере мысли, салонного приличия в литературном языке, Рабле был забыт. Восемнадцатый век, вернувшийся к заветам шестнадцатого, вспомнил одного из поборников освободительных идей. Но та форма, в которой выражаются эти идеи у Рабле, служила для многих препятствием к пониманию их. Грубые шутки, циничные выходки и чревоугодие героев Рабле отталкивали от него благовоспитанных философов парижских салонов; Лафонтен и Мольер увлекались Рабле, но Вольтер не смел признаться, что зачитывается им. Разбирая его роман, он удивляется, как могла быть издана книга, наполненная такою грязью, таким кощунством над самыми священными предметами, – и в то же время не обинуясь цитирует в своей статье наиболее грязные, наиболее кощунственные места романа.

Правильное понимание Рабле в значительной степени затемнялось еще тем, что как современное ему поколение, так и позднейшие пытались непременно отыскивать в его романе аллегорические изображения разных лиц и событий. Ходило даже несколько различных ключей для объяснения этих аллегорий. Так, в Грангузье видели Людовика XII, в Гаргантюа – Франциска I, в Пикрошолле – Карла V; в рассказе о топорах, которые дровосеки спешат потерять, чтобы получить от Юпитера серебряные, – намек на готовность французских дворян уступать своих жен королю, и т. п. Все подобные толкования явно натянуты и не выдерживают ни малейшей критики. Некоторые эпизоды в романе, правда, навеяны автору современными событиями, но совершенно нелепо представлять весь роман как какой-то аллегорический пересказ исторических фактов.

Новейшие историки литературы отвергли все подобные объяснения произведения Рабле, отказались равным образом и судить его с точки зрения современных нам вкусов и литературных нравов. Применяя к оценке его единственный правильный метод – исторический, они видят в Рабле одного из наиболее ярких и талантливых представителей эпохи Возрождения и того сатирического направления, которое своим беспощадным смехом пядь за пядью подкапывало основы отживавших свой век учреждений.

Глава I

Происхождение. – Школа. – Францисканский монастырь. – Занятия и знакомства. – Греческий язык. – Преследования. – Переход к бенедиктинцам. – Епископ Мальзе. – Научные занятия. – Дружеский кружок.

Несмотря на то, что Франсуа Рабле занимает одно из почетных мест в истории французской литературы и принадлежит к числу передовых мыслителей XVI века, мы не имеем вполне достоверной и подробной биографии его. О его жизни и характере сохранились краткие, отрывочные сведения; часто биографы отождествляют его с героями его произведений и изображают как гуляку, пьяницу, вечно веселого буффона, для которого нет ничего святого; о нем рассказывают массу анекдотов, неправдоподобность которых бросается в глаза с первого взгляда. Самый год его рождения в точности неизвестен: одни считают, что он родился в 1488 году, другие – в 1490-м, третьи – даже в 1495 году. По-видимому, второе из этих предположений заслуживает наибольшего вероятия. Профессия отца его также подвергается сомнению: одни говорят, что он был кабатчик и трактирщик, другие называют его аптекарем. Во всяком случае достоверно, что он принадлежал к мелкой буржуазии города Шиннона в Турени и владел виноградником в окрестностях этого города. Честолюбие, весьма распространенное среди мелких буржуа того времени, мечтавших о епископских мантиях и кардинальских шапках для своих детей, заставило его посвятить Богу младшего из своих сыновей. Он поместил маленького Франсуа в аббатство Севильи, лежавшее рядом с его виноградником, а затем перевел его в монастырь Бомет около Анжера. Там мальчик должен был обучаться всему, что требовалось от образованного монаха, и в то же время готовиться к приятию духовного сана.

До нас не дошло сведений о том, какая жизнь велась в Бомете. В произведениях Рабле мы не находим ни одного указания на то, чтобы нравы его учителей отличались большою строгостью и воздержанностью, чем нравы про чих монахов, пьянство и распущенность которых служили неисчерпаемой темой для сатир народных писателей Франции, начиная с XIII века. Но несомненно, что в одном отношении бометские монахи заслуживали одобрения: они заботились об умственном развитии своих учеников, они не заглушали в них духа пытливой любознательности. Монастырские школы того времени были рассадниками просвещения в Европе. Они подготовили те светлые умы, которые явились поборниками знания, свободы, прогресса, врагами насилия и мракобесия. Школа Бомета могла гордиться многими из своих учеников: товарищами Рабле были, между прочим, братья Дю Белле, игравшие видную роль в истории Франции, и Жофруа д'Этиссак, впоследствии епископ Мальзе.

В Бомете Рабле принял монашество и затем, неизвестно вследствие каких причин, перешел в монастырь францисканцев в Фонтене-ле-Конт, в Пуату. Тут он окончил срок своего послушничества и, пройдя все установленные градации, получил священство в 1520 году.

В то же время научные занятия его не только не прекращались, а напротив, продолжались с усиленной энергией. Среди францисканцев он встретил несколько человек, подобно ему преданных науке, жаждавших знания. Он увлекся изучением астрономии, которая к этому времени окончательно отделилась от астрологии и в качестве самостоятельной науки привлекала умы ученых. Благодаря знаниям, заимствованным у арабов, математика быстро двинулась вперед, и это дало возможность строить астрономические выводы на более прочном основании. Вера в старые теории, для которых Земля являлась центром Вселенной, колебалась. В Италии, в Германии ученые делали наблюдения и открытия, которые должны были с полною очевидностью доказать ее несостоятельность; во Фрауенбурге скромный каноник

Николай Коперник в тиши готовил свой великий трактат «О круговращении небесных тел», не решаясь еще предать его гласности.

Ключом ко всякому знанию служили в то время древние языки. Все научные сочинения писались не иначе как на латыни. Еще в Бомете Рабле научился совершенно свободно владеть этим языком, а теперь стал усердно заниматься греческим. В итальянских университетах греческий язык и греческая литература давно уже считались одним из главных предметов преподавания, а с введением книгопечатания и с распространением печатных экземпляров греческих классиков знакомство с ними вышло за пределы тесного круга цеховых ученых и приобрело значительную популярность среди образованного общества. Во Франции дело обстояло иначе.

В самом начале XIII века несколько духовных лиц были изобличены в еретических мнениях, и причиною этой ереси папское правительство признало знакомство их с произведениями древних мыслителей. Вследствие этого в статутах, данных Парижскому университету папами, воспрещается чтение Аристотеля.

Парижский университет долгое время питал суеверный страх к греческому философу, а заодно и всякое занятие греческим языком считалось еретическим. Во французских коллегиях XV и даже XVI века греческий язык вовсе не преподавался. Рабле и его друзья должны были тщательно скрывать свои греческие книги от прочей монастырской братии, чтобы не подвергнуться обвинению в вероотступничестве, в ереси. К счастью, они нашли друзей вне монастырских стен.

Один из товарищей Рабле по бометской школе, Жофруа д'Этиссак, благодаря влиянию и аристократическим связям своего отца был двадцати трех лет назначен епископом Мальзе, недалеко от монастыря Фонтене-ле-Конт. Молодой человек воспользовался своим высоким положением и соединенными с ним денежными выгодами, чтобы устроить себе самостоятельную жизнь вполне по своему вкусу. Один из современников говорит, что жизнь епископа Мальзе была идеалом гостеприимства и непринужденной веселости.

В его епископском дворце ничто не напоминало духовного звания хозяина; общество, собиравшееся у него, состояло главным образом из молодых ученых-гуманистов, и для их смелой мысли, для их острого слова не было запрещенных вопросов. Рабле являлся постоянно желанным гостем в этом кружке, перед которым ему не приходилось таить ни своих занятий, ни своего образа мыслей. Кроме того, у него были и другие, чисто светские знакомые в городе: юристы Жан Бриссон, Эмери Бушар, впоследствии советник и докладчик короля, Андре Тирако, судья, а впоследствии советник парижского парламента; они высоко ценили его знания и в своих письмах не раз называют его «самым ученым из францисканских братьев», «знатоком латинского и греческого языков», «человеком сведущим во всех науках».

Вероятно, отчасти под их влиянием Рабле принялся за изучение права и приобрел даже некоторую известность как сведущий законовед.

Занятие греческим языком послужило поводом к сношениям скромных францисканских монахов с известным в то время ученым, эллинистом Гильомом Бюде, основателем фонтенеблоской библиотеки и Collège de France. Сохранилось несколько писем, которыми Бюде обменялся с Рабле. Эта вполне дружеская полушутливая переписка, веденная наполовину по-латыни, наполовину по-гречески, показывает, с одной стороны, как свободно владел Рабле обоими этими языками, с другой, — с каким уважением относился знаменитый парижский ученый к безвестному еще в то время монаху.

Между тем начальство францисканского монастыря очень косо смотрело на ученые занятия и на светские знакомства Рабле и его друзей. Придравшись по какому-то пустому поводу, настоятель произвел обыск в их кельях: найдены были греческие книги, и набожные отцы пришли в ужас.

Заниматься греческим языком могли или еретики, или люди, готовые впасть в ересь, и надобно было пресечь зло в самом начале. Подозрительные книги были отобраны и торжественно сожжены, а против виновных начался целый ряд мелких преследований. Лами, друг Рабле, спасся из монастыря бегством. Рабле не успел последовать этому примеру и был заключен в монастырскую тюрьму. Чтобы оправдать эту жестокую меру, монахи стали распускать слухи о том, что он богохульствует и кощунствует, что он непочтительно отзывается о святых и их чудесах, что он опаивает братию какими-то зельями, располагающими к греху; они рассказывали, будто бы в день Св. Франциска, патрона монастыря, он забрался в церковь, снял с пьедестала статую святого, сам стал на ее место и позволил себе разные неприличные поступки.

Знакомые Рабле не верили ни одному слову из всех этих нелепых слухов и боялись, как бы ожесточенные монахи не погубили окончательно молодого ученого. Епископ Мальзе и Тирако сообщили Бюде, пользовавшемуся милостью короля, о грозившей Рабле опасности и сами поспешили к нему на помощь.

В качестве судьи Тирако удалось проникнуть в монастырь и добиться освобождения узника, а епископ выхлопотал ему у папы Климента VII разрешение оставить орден францисканцев и перейти к бенедиктинцам. Рабле получил звание каноника в аббатстве Мальзе и место частного секретаря епископа. Этим эпизодом закончилась его монашеская жизнь, продолжавшаяся целых 15 лет. В качестве секретаря он мог постоянно жить в епископском дворце, не подчиняясь никаким монастырским уставам, пользуясь полной свободой в своих занятиях. Теперь ничто не мешало ему отдаваться науке, и он действительно посвящал ей почти все свое время. Продолжая читать классиков и делать из них переводы, он, кроме того, стал усердно заниматься естественными науками, преимущественно ботаникой и химией, изучать еврейский язык и знакомиться с новыми языками: итальянским, испанским, английским.

Такая разносторонность занятий была в духе того времени. Отдельные отрасли знания еще не достигли той степени разработки и специализации, какой они отличаются теперь. Количество опытов и наблюдений было крайне скудным, самые приемы и способы производства их находились в зачаточном состоянии; ученых интересовало не подробное исследование того или другого частного вопроса, а общие положения, общая система знаний, и каждый отдельный факт служил только для иллюстрации общего положения.

Кроме кружка гуманистов, группировавшегося вокруг епископа Мальзе, другой подобный же кружок, где Рабле был также своим человеком, образовался возле Гильома Дю Белле в Ланже. Эти кружки поддерживали самые деятельные связи друг с другом и с другими подобными же кружками во Франции, Германии и Италии; члены их вели между собою переписку, обменивались книгами и рукописями, пользовались каждым случаем для личных бесед. Среди опустошительных войн, разорявших государства Западной Европы, среди жестокого фанатизма, при помощи которого католичество пыталось защищать свои колебавшиеся основы, эти кружки гуманистов, космополитов по политическим убеждениям и веротерпимых до индифферентизма по религиозным, являлись светлыми оазисами, в которых укрывались свободная мысль, научное исследование, дух смелой критики.

Глава II

Монпелье. – Вступление. – Курс. – Поездка в Париж. – Неправдоподобный анекдот. – Театральные представления. – Поездки в Тигры. – Первые сочинения. – Лион и типографии. – Письмо к Эразму Роттердамскому. – Связи с кружком Маргариты.

Спокойная, привольная жизнь во дворце епископа Мальзе ненадолго удовлетворила Рабле. Занятия естественными науками возбудили в нем желание прослушать курс медицины и с этой целью он отправился в Монпелье, медицинский факультет которого пользовался в то время заслуженной известностью. О пребывании его в этом университете сохранилось несколько более или менее правдоподобных рассказов. Говорят, что при самом поступлении своем он сразу выделился из общего уровня слушателей. Приехав в Монпелье, он в тот же день отправился в университет. Там происходил в это время публичный диспут о лекарственных свойствах некоторых трав. Рабле приготовился скромно слушать, но некоторые тезисы диспутантов показались ему несогласными с новейшими открытиями науки, самое ведение диспута раздражало его своею вялостью и мелочной придирчивостью. Он стал явно выказывать признаки нетерпения. Декан факультета заметил их, обратил внимание на почтенную наружность вновь прибывшего слушателя («personae majestas», как называет его Антуан Леруа, писавший о нем в XVII столетии), узнал имя его, уже успевшее приобрести известность в ученом мире, и предложил ему принять участие в диспуте. Рабле сначала отказывался, говоря, что не решается мешаться в спор ученых докторов, но после усиленных просьб согласился говорить и высказал свое мнение по поводу вопросов, подлежавших диспуту. Речь его была так блестяща и красноречива, он выказал такие глубокие познания о жизни и свойствах растений, такие широкие взгляды на природу вообще, что вся аудитория пришла в восторг. Диспутанты, забыв свои разногласия, дружно приветствовали его громкими рукоплесканиями. Рабле провел в Монпелье около двух лет в роли студента и в то же время лектора. В архивах Монпельевского университета сохранились записи от 16 сентября 1530 года, в которых значится, что «Франсуа Рабле из Шиннона поступает на факультет для изучения медицины под руководством достопочтенного доктора медицины Широна (Schyron) и обязуется подчиняться всем статутам вышеупомянутого факультета», а запись от 1 ноября 1530 года отмечает, что тот же Франсуа Рабле получил звание бакалавра. Занимаясь под руководством медиков Монпелье, Рабле и сам читал лекции, на которые сходилась многочисленная блестящая аудитория. Краеугольными камнями медицинской науки того времени считались сочинения Гиппократов и Галена. «Одна запятая, прибавленная, зачеркнутая или не на месте поставленная, может стоить жизни нескольким тысячам людей», – пишет Рабле об этих книгах. А между тем при переписке и перепечатке их вкрались многие ошибки, значительно искажавшие текст. Рабле основательно изучил их еще до своего приезда в Монпелье; ему удалось заполучить древнюю рукопись, на основании которой он исправил погрешности, вкравшиеся в общераспространенное издание «Афоризмов» Гиппократов. В своих лекциях он пред ставил подробные комментарии как этой книги, так и «Ars parva» Галена.

Серьезно занимаясь наукой, бакалавры и профессора Монпельевского университета не пренебрегали и развлечениями. Ни клубов, ни общественных театров в то время не существовало. Первые заменялись дружескими беседами у того или другого гостеприимного амфитриона; чтобы пользоваться драматическими представлениями, любители должны были сами заботиться об устройстве их. И вот важные докторанты и ученые члены факультета затеяли дать представление, не только не имевшее ничего общего с наукой, но, напротив, представлявшее в комическом свете людей их профессии – врачей. Душою предприятия был Рабле: он сам сочинил или, вернее, переделал с итальянского пьесу и сыграл в ней одну из главных ролей. Пьеска эта, послужившая впоследствии Мольеру канвой для его «Le

médecin malgré lui»¹, – обыкновенный фарс во вкусе итальянских народных комедий того времени. Муж просит врачей вылечить его немую жену. Врачи возвращают ей дар слова, но при этом она делается настолько болтливой, что приводит в отчаяние мужа, который снова обращается к врачам. Но у них нет лекарства против женского языка, они могут сделать только одно: превратить мужа в глухого. Жена, замечая, что муж не слышит ее разговоров, приходит в бешенство. Врачи требуют у мужа платы, он отвечает им, что глух и не слышит их слов; в отместку они сводят его с ума; в припадке безумия муж вместе с женой набрасываются на врачей и избивают их до полусмерти.

Кроме театральных представлений, Рабле охотно отдыхал от своих занятий, предпринимая небольшие поездки по морю. Сотоварищ его по университету, прославившийся впоследствии своим сочинением о рыбах, Ранделе, делал в это время ряд наблюдений над обитателями моря, и Рабле усердно помогал ему, дополняя его наблюдения теми сведениями, какие можно было найти у древних авторов.

Для собирания и исследования разных лекарственных трав и растений он несколько раз ездил на Гиерские острова, и они пленили его своим красивым местоположением и мягким, приятным климатом. Часто в письмах к друзьям он стал подписываться «Франсуа Рабле, старшина Гиерских островов» и даже употребил это прозвище в заголовке третьей части своего романа, написанной гораздо позднее.

Биографы Рабле рассказывают, что ему удалось оказать одну важную услугу Монпельевскому университету. Одна из принадлежавших этому университету коллегий была закрыта во время войн предшествовавших королей, и для восстановления ее необходимо было получить разрешение канцлера Дюпре. Чтобы выхлопотать это разрешение, университет избрал своим уполномоченным Рабле. Рабле явился в Париж, но никак не мог добиться свидания с канцлером. Тогда он решился прибегнуть к хитрости: надел на себя какой-то фантастический костюм и пошел прогуливаться под окнами канцлера. Вокруг него собралась толпа зевак, и на их вопросы, кто он такой, он объяснил, что приехал драть шкуру с быков и может содрать шкуру со всякого, кто пожелает. Это увеличило любопытство и оживление толпы. Канцлер выслал своего слугу узнать, что это за сборище перед его окнами и что это за человек в странном костюме. На вопрос слуги Рабле отвечал по-латыни. Тогда слуга позвал клерка, знавшего этот язык; с тем Рабле заговорил по-гречески; со следующим посланным – по-еврейски; потом по-английски, по-итальянски, по-испански, пока, наконец, канцлер не заинтересовался этим странным человеком и не пригласил его к себе. Тогда Рабле сбросил шутовской наряд и в длинной речи на самом изящном французском языке изложил канцлеру просьбу Монпельевского университета. Канцлер пленился его умом и красноречием и согласился исполнить просьбу университета. Предание не останавливается на этом. Оно рассказывает, какую награду получил Рабле. В ознаменование его ученых трудов и оказанной им услуги совет университета постановил, что всякий кандидат при защите докторской диссертации обязан надевать плащ Рабле из красного сукна, с круглым воротником и буквами F. R. C. (Francisais Rabelais Chinonensis). Подобный плащ, по словам некоторых биографов, существовал в Монпельевском университете даже в XVIII веке, но тогда изображенные на нем буквы объяснялись иначе. Ходило предание, что когда плащ Рабле пришел в сильную ветхость, один из канцлеров университета заменил его новым с теми же буквами, случайно оказавшимися его собственными инициалами, и последующие поколения докторантов стали читать эти буквы как «Francisais Ranchinus Cancellarius».

В Монпелье Рабле пробыл недолго, и в 1532 году перебрался в Лион, куда его привлекали тамошние богатые типографии. Типографское дело, которое не насчитывало еще сотни лет своего существования, было в XVI веке не ремеслом, а искусством и даже, можно

¹ «Врач поневоле» (фр.)

сказать, в значительной степени подвигом на благо человечества. Круг читателей был сравнительно невелик, издержки печатанья очень высоки, и типографщикам часто приходилось работать в убыток, чтобы спасти от истребления какие-нибудь древние рукописи или подарить свету изящное художественное издание. Кроме того, хозяин типографии считался ответственным за всякую книгу, которая у него печаталась. Если эта книга возбуждала малейшее подозрение в ереси, ему грозил арест, заключение в тюрьму, даже смерть. Рабле особенно близко сошелся с Этьеном Доле, знаменитым гуманистом, типографщиком, издателем и поэтом. Кроме того, он работал при типографиях Себастьяна Грифа, Франсуа Жоста и приготовил к печати несколько серьезных трудов по медицине, археологии и юриспруденции. В 1532 году он издал «Медицинские письма» Джованни Манарди Феррарского, посвятив их своему другу и избавителю от монастырской тюрьмы Андре Тирако. В этом посвящении он жалуется на людей, которые закрывают глаза, чтобы не видеть успехов наук и искусств и остаются погруженными во мрак готического века, не умея или не желая поднять глаза к сияющему солнцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.